

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИХ ПРИНЦИПАХ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В качестве основных параллельных уровней, на которых развивается агиографический текст, можно представить два — поверхностный (внешний), описывающий серию событий, из которых состоит земная жизнь героя, и глубокий (внутренний), за которым просвечивают сложные и отвлеченные философские понятия и темы, как правило, уже отстоявшиеся в религиозном христианском сознании.

Элементы поверхностной структуры связаны между собой кумулятивно, история святого складывается как цепочка вполне самостоятельных эпизодов, внешне объединенных подчас только именем главного героя. Но сюжет не довлеет себе, и при изучении житий нельзя ограничиться лишь этой структурой, так как «наиболее существенное покоится на глубинном уровне, в темах, которые собственно и монтируют связный текст», обеспечивают те внутренние спайки, без которых события внешнего уровня представляются всего лишь коллекцией иллюстраций, считает Р. Буайе¹. Как правило, такими глубинными темами для большинства житий являются мотивы торжества и славы Христа, во имя которого святой совершает свои подвиги; проповедь добродетели и благочестия и т. д. В целом же глубинную структуру жития создает евангельский круг идей и соответствующих образов, к выбору которых авторы житий нередко подходят творчески.

В этом можно убедиться, в частности, проследив за развитием основной темы Жития Константина Философа (ЖК). Построенное в соответствии с правилами византийской агиографии, это житие тем не менее имеет некоторые особенности, выделяющие его на фоне других, в том числе и современных ему произведений. Б. Н. Флоря объясняет это «той целью, которой стремился достичь автор памятника: прославление героя должно было служить прославлению его дела» (создания славянской письменности)². Отсюда одна из важнейших особенностей жития — подчеркивание автором интеллектуальных достижений Константина, его «мудрости» (успехи в изучении наук, мгновенное усвоение незнакомых языков и систем письма, блестящие победы в диспутах с иноверцами и др.). Из этого проистекает «софийность» жития, и ее отблески наполняют разные уровни текста ЖК.

Эта тема начинается уже в III главе памятника рассказом о чудесном сне Константина, где он выбирает себе в невесты Софию (Божественную Премудрость). Для создания рассказа использовано стихотворение Григория Назианзина о явлении ему двух красавиц — Целомудрия и Мудрости, — которые привели его к духовной жизни. С религиозно-философскими концепциями св. Григория связан ряд других моментов, соотносимых с учением о Мудрости и софийном Слове. Ср., например, — иже сътворилъ еси всъсачьскаа словом, и прѣмудростію своею създавъ чловѣка... (ЖК,

III)³ при $\sigma\varsigma\ \nu\upsilon\nu\ \epsilon\phi\omicron\tau\iota\sigma\alpha\varsigma\ \alpha\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\nu\ \lambda\omicron\gamma\omega\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\omicron\phi\iota\alpha$ («который осветил ум человека словом и мудростью...»). Или реализация темы софийного слова как смысловой целостности, отличающей человека от бессловесных существ: творьць ...междуо ангелы и скоты чловѣка есть сътворилъ: словомъ и съмысломъ отълоучивъ отъ скота, а гнѣвомъ и похотию отъ ангель (ЖК, VI); — отълоучивъ отъ скота при $\sigma\varsigma\ \epsilon\lambda\upsilon\sigma\alpha\varsigma\ \tau\omicron\ \sigma\chi\omicron\tau\omicron\varsigma$ у Григория Назианзина. (Ср. параллельное значение греч. $\tau\omicron\ \sigma\chi\omicron\tau\omicron\varsigma$ «тьма, царство тьмы»; $\beta\lambda\epsilon\lambda\epsilon\omega\ \sigma\chi\omicron\tau\omicron\nu$ «видеть тьму, быть слепым, не видеть»⁴). Учет этого значения для $\sigma\chi\omicron\tau$ -: *skot- в контексте Жития Константина выявляет еще один глубинный пласт в тексте памятника. Это мотив просвещения мудростью, которое особенно действенно, когда эта мудрость

книжная. «Слово божественное, как и мифологема слова как народа Слова, образует важный мотив, который, естественно, отличает Константина от его поэтических и философских учителей. Этот мотив нов и оригинален, потому что именно для славян свет веры и свет книги, принятие христианства и обретение письменности совпали по времени», — пишет В. Н. Топоров⁵.

Таким образом, темы-концепты, отсылки к которым имеются в ЖК, берут свое начало в соответствующих образах греческой книжности, а также в элементах, восходящих к библейским текстам (напр., Рцы же прѣмудрости: «Сестра ми буди...» (ЖК, III) — *εἶπον τὴν Σοφίαν ἐμὴν ἀδελφὴν εἶναι* (Прит. 7,4). Подобные элементы выступают здесь не только как знаки-ориентиры в сфере догматики, но и как образцы для создания оригинальных идей, связанных в контексте Жития Константина со славянской темой. Вместе с тем эти готовые, но внешние («чужие») элементы монтируются с внутренними («своими»), что приводит к созданию особого «мозаичного» текста, в котором «чужое» усваивается, превращаясь в «свой» текст. Такой «усвоенный» текст сохраняет, однако, печать отмеченности.

Текст ЖК строится из многочисленных «чужих» текстов, разных цитат или их парафраз, причем каждое из таких инородных включений имеет свои связи, свою историю, свои особые функции в исходном тексте-источнике. Тщательная «подогнанность» элементов разных текстов друг к другу, осмысленность набора цитат позволяет выстроить единую семантическую цепь жития, делающую текст ЖК единым в смысловом отношении.

Чтобы представить себе, как «мозаичный» принцип работает при формировании текста, рассмотрим случаи введения в житие самых крупных по величине «вставок». К таким «вставкам» относятся отрывки из теологических трактатов самого Константина Философа (в ЖК это диспуты с иконоборцем Иоанном Грамматиком (Гл. V), с агарянами — сторонниками ислама (Гл. VI), с проповедниками ислама и иудаизма в Хазарии (Гл. IX—XI), с «триязычниками» в Венеции (Гл. XVI). По объему тексты диспутов составляют около 56 % всего текста памятника. Столь высокий удельный вес их, очевидно, свидетельствует о том, что агиограф придавал этим текстам особое значение, и присутствие их в структуре жития должно было стать важным событием и для читателя. Но прежде чем определить значение этих текстов, следует остановиться на одной особенности. В Житии Константина нет ясно очерченной границы между «своим», авторским, и вставными, «чужими», текстами. Отрывки из трудов Константина подверглись литературной обработке со стороны агиографа, приспособлявшего их к требованиям жанра (так, например, было сильно сокращено одно из сочинений Константина о сделанном им в Херсоне открытии мощей Климента Римского). Подчас трудно различить, где кончается текст-вставка и начинается авторское повествование. Но в одном месте жития мы все-таки можем наблюдать проявление «диагностичности» этого соседства. Речь идет об известном месте из X главы ЖК, где автор признаваясь, что он пишет «оукрашьше», отсылает читателей к подлинным сочинениям Константина Философа, которые «прѣложѣ оучитель нашъ архіепископъ Меѳодіе, раздѣлье на осмь словесь».

Итак, автор жития, используя рамку агиографической биографии, обрамляет тексты диспутов, монтирует их в единое целое, объединяя и самостоятельные фабульные темы каждого из них.

Темы же «вставок» можно проинтерпретировать как повествование о торжестве правой веры: в прениях с иноверцами успех Константина — «слуги и ученика святой Троицы», который в пылу спора остается неуязвимым, недостижимым для всякого иного «я», а потому способным манипулировать партнерами в беседе, сам никем не движимый (идеал

греческого мудреца) — это вместе с тем и торжество истинного учения: софийного христианства. Таким образом, тексты диспутов служат материалом для проявления еще одной глубинной темы жития — темы богоугодности создания славянской письменности. Агиографу важно было убедить читателя в правоте веры Философа, так как это являлось гарантией того, что важнейшее дело его жизни — просвещение славян — есть промысел Божий. Присутствие же в структуре ЖК текстов, имеющих статус сочинений самого Константина Философа, не только придает документальную достоверность всему житию, но и помогает автору достичь основной своей цели — оправдания изобретения славянского письма. К примеру, текст апологии, написанной Философом (очевидно, еще в Моравии), приурочен агиографом к речи Константина на церковном синоде в Венеции, где тот отстаивал необходимость и закономерность появления «книг» и богослужения на славянском языке. Это речь, в которой судьями для «триязычников» стали слова св. Книг: с помощью выписок из Псалтири — о том, что все народы должны славить Бога, и из Евангелий — о том, что апостолы должны нести христианскую веру всем народам, для чего Христос наделил их даром говорить на всех языках. Автор (в данном случае — Константин Философ) аргументирует свою мысль: если все народы признаются достойными хвалить Бога и воспринять учение Христа, тем более они достойны того, чтобы иметь собственное письмо и право обращаться к Богу на своем языке⁶. Такая формула (архитема) превращает эмпирию сегментов текста — «мозаики» в одну «соборную цитату», несущую в себе «незамутненность соборно передаваемой истины».

Для подтверждения этой истины Константин (либо, по мнению Ф. Гривца, составитель ЖК⁷) обращается к авторитету апостола Павла и, приводя обширную цитату из Первого послания к Коринфянам (14. 5—33 38—40), дает свою оригинальную интерпретацию греческому тексту Послания. В частности, употребляя термины *λαλεῖν γλώσσῃ* и *προφητεῖν*, относящиеся к так называемой «глоссолатии» (несвязных выкриков в момент религиозного экстаза) и проповеди, понятной для окружающих, Константин переводит первый из них как «глаголати языки» и придает всему тексту характер утверждения о бесполезности богослужения на незнакомом языке (так считает Т. Лер-Сплавинский⁸).

Итак, «мозаичный» текст трактата Константина, будучи совокупностью разных цитат в горизонтальном (линейном) аспекте текста, становится сам цитатой, частью жития, и входит таким образом в совокупность других, тождественных в заданном отношении, цитат («вертикальная» соборность). Текст же всего Жития Константина, в результате заполнения («набивки») его подобными «соборными» цитатами, становится «вдвойне соборным», текстом аккумулярующего типа, более богатым содержанием по сравнению с текстами, легшими в его основу.

¹ Boyer R. An attempt to define the typology of medieval hagiography // Hagiography and Medieval Literature. Odense, 1981. P. 34.

² Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 41.

³ Здесь и далее текст Жития Константина цит. в упрощенной транскрипции по изд.: Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973. Т. 3.

⁴ Об этом см.: Топоров В. Н. О ведущем композиционном принципе «Прогласа» Константина Философа // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1985. V. VII. S. 213.

⁵ Там же. С. 232.

⁶ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 135.

⁷ См.: Grivec F. Zitja Konstantina in Metodija. Ljubljana, 1951. S. 101.

⁸ См.: Lehr-Spławiński T. Przyczynek do badań nad żywotem Konstantyna-Cyryla (tzw. obszerne) // Сборник в чест на академик А. Теодоров-Балан по случай девдесет и петата му годишница. София, 1955.